

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47)

Вдовухина К.В., Ипатов А.М.¹

**ДЕЛО В.И. ЗАСУЛИЧ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ «ГЕРОЕВ И ТОЛПЫ»
Н.К. МИХАЙЛОВСКОГО**

Воронежский государственный педагогический университет (г. Воронеж)

Vdovukhina K.V., Ipatov A.M.

**THE CASE OF V.I. ZASULICH IN THE CONTEXT OF THE THEORY
OF "HEROES AND THE CROWD" BY N.K. MIKHAILOVSKY**

Voronezh State Pedagogical University (Voronezh)

Реферат: На основании теории «героев и толпы» российского социолога и теоретика либерального народничества Н.К. Михайловского анализируется социальный феномен, порожденный делом В.И. Засулич. Совершив в 1878 г. покушение на Санкт-Петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова, она была оправдана судом присяжных заседателей. На это решение повлияла неудовлетворенность подданных Российской империи произволом местных чиновников, сопряженным с бездействием в их адрес высших правительственных инстанций. Авторы акцентируют внимание на причинах подобного исхода дела, поскольку считают, что они оказали легитимирующее значение для развития индивидуального террора в последующие десятилетия вплоть до революции 1917 г.

Ключевые слова: Российская империя, судебная система, В.И. Засулич, «герои и толпа», общественное мнение, индивидуальный террор, революционные кружки, 1878 год.

Abstract: The article analyzes the social phenomenon generated by the case of V.I. Zaslulich on the basis of the theory of "heroes and the crowd" by the Russian sociologist and theorist of liberal populism N.K. Mikhailovsky. Having committed an assassination attempt on St. Petersburg mayor F.F. Trepov in 1878, she was acquitted by a jury. This decision was influenced by the dissatisfaction of the subjects of the Russian Empire with the arbitrariness of local officials, coupled with inaction against them by the highest government authorities. The authors focus on the reasons for this outcome of the case, since they believe that they had a legitimizing effect on the development of individual terror in the following decades up to the 1917 revolution.

Key words: The Russian Empire, the judicial system, V.I. Zaslulich, "heroes and the crowd", public opinion, individual terror, revolutionary circles, 1878.

---

¹ **Вдовухина Ксения Валентиновна** – студентка 2-го курса гуманитарного факультета, Воронежский государственный педагогический университет (г. Воронеж);
Ипатов Алексей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Воронежский государственный педагогический университет (г. Воронеж).

На различных этапах развития историографии можно встретить совершенно разные точки зрения ученых на феномен дела В.И. Засулич. Разнятся и современные оценки. Так, одни исследователи называют ее «боевиком гибридной войны» [6, с. 25], чьи действия были запланированы Англией в виду успешного ведения Россией войны с Турцией. Другие считают ее героем, поступок которого вскрыл общественное недовольство произволом властей, что и вылилось в оправдательный приговор [10].

В данной публикации авторами предпринята попытка проанализировать дело В.И. Засулич сквозь призму теории крупного отечественного социолога, идеолога народничества Н.К. Михайловского, изложенной в одноименном произведении «Герои и толпа» [8]. Суть последней можно свести к двум предложениям, написанным самим автором: «Героем мы будем называть человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, на благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело. Толпой будем называть массу, способную увлекаться примером, опять-таки высокоблагородным или низким, или нравственно-безразличным» [8, с. 7]. Иными словами, «толпой» считается

группа людей в состоянии мобилизации, выходом из которого является либо разрешение противоречия за счет следования за «героем» или подражания ему, либо подавление третьей стороной. «Герой» же выступает в роли триггера, побуждающего к переходу к активным действиям, посредством выведения идеи «толпы» из интуитивного в осмысленное состояние. Кроме того, действия «героя» могут быть рассмотрены в качестве легитимирующего фактора, санкционирующего те помыслы «толпы», которые до этого могли не проходить рамку их моральных принципов.

Мотивацию вынесения оправдательного приговора определило состояние российского общества в 70-е гг. XIX в. Знаменитый отечественный юрист, общественный и государственный деятель А.Ф. Кони, выступавший председателем Санкт-Петербургского суда по делу В.И. Засулич, отмечал, что важным фактором выступил продолжительный произвол чиновников, долгое время находивший осуждение исключительно со стороны простых обывателей, но никак не своевременные санкции со стороны власти [4]. В качестве примера можно назвать так называемое «логишинское дело», главным участником которого яв-

лялся В.Н. Токарев – губернатор Минской губернии в 1869–1875 гг. В 1874 г. он оформил во владение земельные участки мещан из местечка Логишино, которые за несколько лет до этого конфисковал в казну. Прежние собственники, обязанные теперь выплачивать «арендную плату», обратились к мировому судье, но тот утвердил действия В.Н. Токарева. В ответ мещане устроили бунт, за что пятерых зачинщиков подвергли административной ссылке. Кроме того, от министерства внутренних дел был прислан генерал-лейтенант А.Г. Лошкарёв, который для успокоения положения в Логишине привел несколько отрядов пехоты и казаков.

Только в 1876 г. Минская Палата уголовного и гражданского суда вынесла постановление о возвращении земли из собственности В.Н. Токарева, при этом компенсации пострадавшим не последовало [1]. Это дело получило огласку по всей стране дважды: в момент совершения незаконного отчуждения мещанской земли и в первые годы правления Александра III, когда обострилась борьба министерских группировок, а также появилась необходимость в дискредитации «партии» В.Н. Токарева [5]. Участие в судебном разбирательстве Сената представлялось современникам необычным, что

свидетельствует о преимущественном попустительском отношении властей к подобным делам с участием местных чиновников.

Далее последовал инцидент в доме предварительного заключения в Санкт-Петербурге, где генерал-адъютант Ф. Ф. Трепов за отказ осужденного народника А.П. Боголюбова снять шапку принял решение о назначении 25 ударов розгами [4]. Современный исследователь Н.Д. Литвинов, анализируя этот факт, акцентировал внимание на времени года – начало лета, – соответственно наличие теплого головного убора на А.П. Боголюбове действительно могло выступать в качестве проявления неповиновения [6]. Революционер из числа интеллигенции С. Глаголь (настоящая фамилия – Голоушев), как очевидец, заявлял, что в тот день А.П. Боголюбов пересекся с градоначальником несколько раз, в первый из которых он, как и другие заключенные, снял головной убор, а во второй не посчитал нужным [3]. Однако С. Глаголь, как участник «процесса 193-х» является лицом заинтересованным, поэтому его показания не могут считаться полностью достоверными. Тем не менее, фактом остается то, что телесные наказания посредством розог были отменены в 1863 г., и сам Ф.Ф.

Трепов, осознавая это, нуждался в санкции для приведения решения в силу. Законность распоряжения петербургский градоначальник соби-рался обсудить с управляющим ми-нистерством внутренних дел А.Б. Лобановым-Ростовским, однако не обнаружил его и отправился к А.Ф. Кони, которого так же не было на месте. По итогу санкционировал действие градоначальника министр юстиции К.И. Пален.

Дело А.П. Боголюбова широко обсуждалось. Примером консерва-тивного взгляда является «Хроника социалистического движения в Рос-сии 1878–1887 гг.», где поступок за-ключенного оценен как проявление неуважения, нашедшее заслуженное возмездие [2]. Опасность в действи-ях градоначальника отметили А.Ф. Кони и прокурор судебной палаты Э.Я. Фукс. Последний несколько раз обращался в министерство юстиции, но заявления были проигнорирова-ны. Революционные кружки разви-вали идею отмищения градоначаль-нику за своего «товарища», в их прессе, в частности в журнале «Набат», в красках, и, вероятно, не без преувеличения, описывалось приведение в исполнение распоря-жения о наказании А.П. Боголюбова [7]. Из такого рода периодики о слу-чившемся узнала и В.И. Засулич.

Весь 1877 г. прошел в процессах над революционной молодежью: сначала над участниками Казанской демонстрации, почти сразу после в том же суде разбирали процесс «50-ти», а к концу года расследовали процесс «193-х», который завершился ровно за день до покушения на Ф.Ф. Трепова. Таким образом, ради-кально настроенная часть общества в этот период времени была макси-мально не удовлетворена и была го-това к еще более резким выступле-ниям, для перехода к которым этой «толпе» требовался «герой».

24 января 1878 г. В.И. Засулич, представившаяся домашней учи-тельницей Елизаветой Ивановной Козловой, выстрелила в упор из ре-вольвера в градоначальника Ф.Ф. Трепова в его приемной. Дело сразу получило резонанс благодаря газете «Петербургские ведомости», где бы-ла дана информация и о сути дела, и, спустя три дня с момента покуше-ния, о личности стрелявшей. описы-вая отношение к В.И. Засулич среди общественности, А.Ф. Кони в ос-новном пишет о том, что большин-ство злорадствовало и не выражало сочувствия потерпевшему [4]. Здесь опять проявляется феномен «героев и толпы»: «толпа» не придает значе-ния тому, что действие «героя» было незаконно и противоречило базовым

правилам морали, «толпе» важнее, что их отношение к ситуации, в данном случае – недовольство Ф.Ф. Треповым – нашло яркое выражение. Поэтому оценивается не сам поступок В.И. Засулич, как отдельное самостоятельное явление, а его роль некоего «возмездия» в адрес коррумпированного, по мнению обывателей, генерал-адъютанта.

Была, однако, и часть населения, усмотревшая в действиях В.И. Засулич опасный прецедент, который имел в себе потенциал перехода к массовым практикам самосуда над негодными чиновниками, в частности сам А.Ф. Кони. Так или иначе покушение на градоначальника вызвало общественный резонанс.

Когда К.И. Пален заявил, что дело будет рассмотрено в суде присяжных заседателей (министр юстиции рассматривал это решение как шанс для подданных проявить правосознание), А.Ф. Кони выразил сомнение в вынесении обвинительного приговора. К тому моменту он имел четырехлетний опыт нахождения в должности прокурора, что позволяло ему апеллировать не только к правовым нормам, но и к практике судопроизводства. А она была такова, что процесс во многом зависел от речей прокурора и присяжного поверенного, которые оценивались

присяжными заседателями не столько с позиции закона, сколько с позиции эмоций. К тому же, в контексте предстоящего дела имело значение изначально неблагоприятное отношение горожан к Ф.Ф. Трепову.

Эта информация побудила К.И. Палена заняться поиском опытного прокурора. Первоначально выбор пал на В.И. Жуковского – талантливого обвинителя, чьи речи производили впечатление на присяжных заседателей; но он отказался, сославшись на причины личного характера. Тогда дело поручили С.А. Андреевскому, который предлагал строить линию обвинения с учетом оглашения неправомерного распоряжения Ф.Ф. Трепова и дальнейшей апелляцией к падению уровня безопасности при продолжении практики самосуда вместо обращения в соответствующие инстанции. Однако К.И. Пален выступил с категорическим отказом от упоминания и, тем более, осуждения градоначальника в речи, что побудило С.А. Андреевского отказаться от участия на стороне обвинения. После двух неудач К.И. Пален обратился к А.Ф. Кони лично, надеясь на его способности «убедить» публику, но председатель отказался, настаивая на принципе беспристрастности судопроизводства.

Принял поручение К.И. Кессель, который, по свидетельствам А.Ф. Кони, испытывал страх общественного осуждения за участие на стороне обвинения в деле В. И. Засулич и, несмотря на хорошее знание буквы закона, не владел в достаточной мере ораторским мастерством, чтобы в сложившейся ситуации действительно повлиять на мнение присяжных заседателей [4].

В планах В.И. Засулич изначально была самостоятельная защита, но после, осознав строгость возможного наказания, она приняла решение о назначении присяжного поверенного. Им стал П.А. Александров, известный по уже упомянутому процессу «193-х».

С присяжными заседателями возникла неоднозначная ситуация, поскольку К.И. Кессель отказался от своей квоты отвода кандидатов, сославшись на теорию А.Ф. Кони о том, что лучше предоставить полную свободу в этом процессе присяжному поверенному, чем, не имея достаточной информации о выбранных на роль присяжных заседателей, руководствоваться в отводе слухами [4]. В итоге П.А. Александров отвел 11 представителей крупного чиновничества и купцов. Оставшиеся 12 человек представляли интеллигенцию и среднее чиновничество,

настроение которых оценивается исследователями как оппозиционное.

Речь, произнесенная К.И. Кесселем, не решила основную поставленную перед ним задачу – задействовать воображение присяжных поверенных, описав им картину мира, где «царствует самосуд» [4, с. 91]. Вместо этого прокурор в изобилии использовал юридические термины, сухо излагал факты. Главной же ошибкой его речи была замена совершенного Ф.Ф. Треповым превышения полномочий разного рода эвфемизмами и последующее его оправдание на основании того, что в рассматриваемом деле он потерпевший, а не обвиняемый. Таким образом, опускалась значительная часть мотивации В.И. Засулич, что ставило сторону защиты в выгодное положение. Учитывая все недоработки обвинительной речи, можно предположить, что она заведомо была написана с целью дальнейшего оправдания В.И. Засулич присяжными заседателями.

В речи П.А. Александрова создается нарочито художественный, романтический образ молодой девушки – заложницы обстоятельств, претерпевшей множество несправедливости за годы ссылки. Даже ситуация с помощью в передаче писем С.Г. Нечаева передана так, будто

В.И. Засулич была обманута им и не имела представления о том, кому содействует. Механизм такого воздействия на присяжных заседателей является пропагандистским по своей природе, поскольку те факты, которые могут вызвать негативную реакцию, не замалчиваются, но их суть подменяется «удобным» содержанием. Таким образом, «толпа» принимает сделанный вывод на том основании, что раз он потребовал заедствования неблагоприятных фактов, то он заведомо верный [11]. Речь была закончена апелляцией к сложившемуся прецеденту: если ранее присяжные заседатели оправдывали женщин-подсудимых, вершивших кровавую месть «за себя», то В.И. Засулич не мстила, а боролась за идею.

Она была оправдана судом присяжных, и это решение было встречено бурными аплодисментами еще в самом зале суда. «Оправдание Засулич разразилось над петербургским обществом, подобно электри-

ческому удару, радостно возбудив одних, устроив других и всех равно взволновав», – писал А.Ф. Кони [4, с. 227]. Оправдательный приговор 31 марта 1878 г. привел в ступор консервативные круги: М.Н. Катков в «Московских ведомостях» даже сравнил его с первоапрельской шуткой [9]. Для революционеров же В.И. Засулич стала с этого момента «героиней», а ее поступок – примером на десятилетия вперед. В августе того же года участник «Земли и Воли» С.М. Степняк-Кравчинский убил главного начальника Третьего отделения Н.В. Мезенцева. После раскола в 1879 г. «Народная воля» совершила серию покушений на императора, которые закончились его гибелью 1 марта 1881 г. от рук И.И. Гриневецкого. Несмотря на то, что сама В.И. Засулич заняла позицию мирного пути преобразований, оправдательный приговор по ее делу остался одной из причин популярности индивидуального террора вплоть до революции 1917 года.

Список литературы:

1. Аксаков И.С. Полное собрание сочинений. В 7 томах. Том 7. Москва : Типография Волчанинова М.Г., 1887. 607 с.
2. Глаголь С. Процесс первой русской террористки // Голос минувшего. 1918. № 7. С. 147–162.
3. Карпиленко Ю.С. «Дело» Веры Засулич. Брянск : Издательство БПГИ имени академика И. Г. Петровского, 1944. 35 с.
4. Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. Москва : RUGRAM, 2012. 166 с.

5. Кропоткин П.А. В русских и французских тюрьмах. Москва: ЁЁ МЕДИА, 2012. 248 с.
6. Литвинов Н.Д. Вера Засулич, боевик нетрадиционной войны // Научно-исследовательские публикации. 2018. №4. С. 5–32.
7. Ткачев П.Н. Набат. Женева, 1878. 156 с.
8. Михайловский Н.К. Герои и толпа. Избранные труды по социологии в 2-х томах. Т. 2. Санкт-Петербург : Алетейя, 1988. 768 с.
9. Фролова О.В. Анатолий Федорович Кони и дело Засулич. Особое мнение // Столыпинский вестник. 2022. №1. С. 462–485.
10. Чичмаров С.Ю. Некоторые аспекты «дела Веры Засулич» в контексте понимания личным составом органов внутренних дел отдельных страниц истории России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №2. С. 19–21.
11. Эллюль Ж. Феномен пропаганды ; пер. с фр. Г.В. Шариковой. Санкт-Петербург : Алетейя, 2023. 410 с.

References:

1. Aksakov I.S. Polnoe sobranie sochinenij. V 7 tomah. Tom 7. Moskva : Tipografija Volchaninova M. G., 1887. 607 s.
2. Glagol' S. Process pervoj russoj terroristki // Golos minuvshogo. 1918. № 7. S. 147–162.
3. Karpilenko Ju.S. «Delo» Very Zasulich. Brjansk : Izdatel'stvo BPGI imeni akademika I. G. Petrovskogo, 1944. 35 s.
4. Koni A.F. Vospominanija o dele Very Zasulich. Moskva : RUGRAM, 2012. 166 s.
5. Kropotkin P.A. V russkih i francuzskih tjur'mah. Moskva : JoJo MEDIA, 2012. 248 s.
6. Litvinov N.D. Vera Zasulich, boevik netradicionnoj vojny // JSRP. 2018. №4. S. 5–32.
7. Tkachev P.N. Nabat. Zheneva, 1878. 156 s.
8. Mihajlovskij N.K. Geroi i tolpa. Izbrannye trudy po sociologii v 2-h tomah. Sankt-Peterburg : Aletejjja, 1988. 768 s.
9. Frolova O.V. Anatolij Fedorovich Koni i delo Zasulich. Osoboe mnenie // Stolypinskij vestnik. 2022. №1. S. 462–485.
10. Chichmarov S.Ju. Nekotorye aspekty «dela Very Zasulich» v kontekste ponimanija lichnym sostavom organov vnutrennih del otdel'nyh stranic istorii Rossii // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2022. №2. S. 19–21.
11. Jelljul' Zh. Fenomen propagandy ; per. s fr. G.V. Sharikovej. Sankt-Peterburg : Aletejjja, 2023. 410 s.